

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Древнерусские литературные произведения не всегда привлекают внимание современного читателя. По первому впечатлению они кажутся непривычно сухими. В них мало внешней занимательности, нет интригующего читателя сюжета, личные чувства действующих лиц полностью не раскрываются. Картинное и подробное описание быта, природы отсутствует. По древнерусским произведениям мы с трудом можем представить себе бытовую обстановку, в которой развивается действие, и всю сложную душевную жизнь литературных героев.

Между тем мы не можем относиться к этой непривычной для нас схематичности в изображении действительности как к простой писательской неумелости. Такие представления были бы глубоко ошибочными. Такими же ошибочными и чисто дилетантскими были бы и объяснения особенностей творчества старинных мастеров живописи тем, что эти мастера якобы только «не умели» передавать то или иное — перспективу, анатомию человека, светотень и т. д. Эти представления предполагали бы в старинном писателе или в старинном художнике такое же понимание своих задач, как и у нас, и, вместе с тем, творческую беспомощность перед этим пониманием. Мы столкнулись бы в таком случае с драматическим разрывом между замыслом и его воплощением в древнерусской литературе, как и в древнем искусстве вообще. Между тем никакого исключительного, из ряда вон выходящего разрыва между замыслом и его воплощением у старинных художников и писателей мы не видим.

Когда старинный русский художник изображал человека вровень с окружающими его зданиями или даже более высоким, то делал он это не потому, что «не умел» изобразить человека и окружающие его здания в более или менее правильных соотношениях, а потому, что изображал размеры человека и предметов соответственно их *значению*. Изображение какого-нибудь святого — его главная задача, и он изображал этого святого крупно, на первом плане. Все остальное второстепенно для него по значению и соответственно этому занимает не много места в его композиции. Отсюда постоянные нарушения перспективы, вызы-

ваемые прежде всего особыми задачами, стоявшими перед художником, а не просто его «неумением».

Так же точно и в литературе. Писатель не потому не изображал окружающей человека бытовой обстановки, что не умел ее изобразить, а потому, что изображение этого быта противоречило бы его пониманию того, о чем он должен писать в первую очередь, противоречило бы его художественному методу.

Каждая литература, в том числе и литература древней Руси, в своих лучших произведениях осуществляла именно то, что хотела осуществить и что соответствовало ее художественному методу.

Понять особенности художественного метода древней Руси — это значит понять литературу древней Руси, ее непреходящие эстетические ценности. Но художественный метод теснейшим образом связан с теми художественными задачами, которые ставил перед собой писатель, и с теми ценностями, которые искал в литературных произведениях читатель-современник.

Чем же была интересна древнерусская литература для современного ей читателя?

К книге было особое отношение. Книг было немного, и каждая книга была драгоценным спутником жизни своего читателя. Каждое слово ее было весомо, значительно. Книга читалась по многу раз, особенно в трудные минуты жизни. Читатель ждал от нее прямых и незамедлительных наставлений, «мудрости», глубоких и непосредственных советов по самым основным вопросам жизни. Книга и в самом деле была дорога: она писалась на пергамене (особым образом выделанной коже), крупным красивым почерком, украшалась дорогими заставками, миниатюрами, облакалась в добротные переплеты. Несколько книг в личном обиходе были уже целым богатством.

В знаменитой Похвале книгам, которую читаем в «Повести временных лет», сказано: «книгами мы наставляемы и поучаемы... Это — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости... Если прилежно пощешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей». И действительно, древнерусская книга либо учит тому, как жить, учит «мудрости», либо рассказывает о том, что было и как было — о наиболее значительном в истории человечества, о том, что должен знать каждый русский человек и из чего он опять-таки должен извлечь себе поучение, как жить.

Каждое произведение древней Руси рассчитано не на обычное, беглое чтение, а на прилежное «книжное почитание» в поисках книжной мудрости и книжного наставления. Если бы можно было представить себе древнерусского читателя за чтением его любовно переписанных от руки книг, то, наверное, это чтение было особенно истовым, торжественным и благоговейным. Не случайно в той же Похвало

книгам говорится о Ярославе Мудром, что он к книгам «прилежал» и часто читал их «в нощи и в дне». Такою же истовостью, торжественностью, законченностью отличаются почти все русские литературные произведения, каким бы темам они ни были посвящены.

В древнерусских литературных произведениях говорится только о том, что древнерусский читатель считал главным в жизни, о наиболее значительном, об исторически бывшем, о наиболее существенном из того, что произошло в действительности, из чего можно извлечь «великую пользу душе своей». А пользу для своей души древнерусский читатель понимал широко. Не только религиозные истины и наставления интересовали его. Его волновала судьба родной ему Русской земли, ее история и настоящее, ее международный престиж, политика ее князей. Как истинный патриот, горячо любящий свою родину, он видел не только ее величие, но остро ощущал ее несчастья и страстно искал путей для того, чтобы преодолеть все недостатки настоящего.

Вот отчего древнерусские писатели восхищаются нас умением увидеть в отдельных исторических событиях значительное, преисполненное вечного смысла, взглянуть на них с высоты судеб всемирно-исторического процесса, правда, в его средневековом понимании. Не случайно любимым чтением древнерусского читателя были огромные сочинения по русской и по всемирной истории — летописи, исторические повести, различные хронографы, палеи, Елинский и римский летописец, сочинения эсхатологические, — посвященные конечным судьбам мира, исторические романы, «Александрия», «Повесть о разорении Иерусалима», «Девгениево деяние» и т. д., апокрифы, то есть сочинения «запрещенные», досказывавшие то, что казалось неясным в «священном писании», и т. д. В этой смелости и в этом умении вести повествование непосредственно о самых крупных и самых общих темах всемирной истории и мирового устройства, в этой своеобразной «энциклопедичности» — одна из наиболее замечательных черт древнерусской литературы.

Каждое литературное произведение древней Руси — как драгоценное произведение древнерусской живописи. Оно разрабатывает свою тему под знаком вечности, в самых обобщенных формах, берет событие как своеобразный геральдический знак, опуская все лишние детали, излагает его с какой-то особой напевностью, столь свойственной и древнерусской литературе и живописи. Одни из этих произведений невелики — как совсем небольшое «Слово о погибели Русской земли», другие напоминают настенную живопись с ее многочисленными отдельными композициями — как «Повесть временных лет». Но и те и другие произведения поражают своей монументальностью, четкой законченностью изображений, ритмической слаженностью повествования.

Обо всех волнующих его темах древнерусский писатель прямо заявляет свое мнение, не заставляя читателя искать своих собственных решений; литературные образы чередуются с авторскими рассужде-



ниями. Он рассказывает и поучает, поднимаясь иногда до ораторского пафоса церковного проповедника, но большей же части стремясь соблюдать историческую достоверность, а поэтому избегая всякого «живописания».

«И пришла осень, и помянул Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться». Так начинается рассказ о смерти Олега от своего собственного коня. В этом рассказе нет ни одной лишней детали, ни одной мелочи, никаких занимательных подробностей. В нем все лаконично, просто. Читатель верил, что все рассказанное в нем — историческая правда, и ничего более. И вместе с тем это рассказ мастера повествовательного искусства. Он поражает своей обобщенностью, монументальностью, как и каменные барельефы Михайловского Златоверхого монастыря, как мозаики и фрески Софии. Он краток, торжественен и прост.

Более сложен и более разработан в деталях рассказ той же «Повести временных лет» об ослеплении Василька Теребовльского. Это своеобразный обвинительный акт против князей — участников преступления. Ослепление описывается так, что читатель как бы видит его. События рассказаны с подлинным драматизмом, но и они переданы без всяких «посторонних» деталей, которые могли бы послужить поводом подозревать автора в выдумке и сочинительстве. Историческая правдивость — вот к чему стремится автор и чего ждет читатель. Древнерусский читатель ищет в литературных произведениях исторической правды и не стал бы ими интересоваться, если бы узнал, что темы их измышлены.

Фантастических подробностей, рассказов о чудесах, художественных преувеличений древнерусская литература знает немало, но читатель верил во все, что он читал, да и авторы древнерусских произведений по большей части не были сознательными сочинителями небылиц: они верили, что мир наполнен религиозными символами, таинственной назидательностью, что в нем могут совершаться чудеса.

Почти тот же интерес к стародавней старине, та же вера в историческую правдивость повествования, уверенность, что все рассказанное — «быль», «бывальщина», характеризует и слушателей русских былин, исторических песен. В этом отношении древнерусская литература близка к фольклору.

Единственный вид литературной приподнятости, литературного пафоса и орнаментированности, который читатель признает в полной мере, — это приподнятость ораторская, риторическая, и авторы широко пользуются ею, легко и просто переходя в необходимых случаях от повествовательной простоты к ораторскому пафосу и от ораторского пафоса к повествовательной простоте. Каждый род тем требует своих литературных приемов: церковно-назидательные темы излагаются ораторски, исторические темы — в документально-повествовательной манере. Писатель как бы подчинен своеобразному литературному эти-

кету — говорить о каждом роде фактов в положенных выражениях: о военных событиях — «воинскими формулами», о святом — трафаретными выражениями житийной литературы, и т. д.

Само собой разумеется, что в древнерусских литературных произведениях мы не ищем уже, подобно нашим далеким предкам, одной лишь точной передачи исторических событий. В исторических повествованиях древней Руси наука отделяет правду от вымысла, вымысла неизбежного в силу того, что многие исторические предания, прежде чем попасть в летопись, сказание или житие, прошли стадию устного бытования, неизбежного также и в силу политической тенденциозности самих повествователей. Но этот вымысел обернулся для нас своеобразной исторической правдой — правдой не о том, что рассказывается, а о том, кто рассказывает, о его думах, надеждах, общественных и эстетических идеалах.

Интерпретация исторических событий древнерусскими писателями говорит нам о людях древней Руси иногда больше, чем самые эти исторические события.

В древнерусских литературных произведениях мы видим прежде всего людей, которые их написали. В целом это люди высокой моральной и эстетической культуры, создавшие величайшее и могущественнейшее государство Европы, создавшие замечательные храмы, произведения живописи, ювелирного искусства, искусства слова. Это люди, искренне любившие свою родину, не устававшие бороться со злом, умевшие ставить общегосударственные интересы выше личных. Следя за тем, как они раскрывают смысл исторических событий, мы видим их в повседневных заботах: заботах политических, моральных, религиозных. По большей части это представители господствующего, феодального класса, но они стоят на прогрессивных позициях и порой отражают общенародную точку зрения — одни более, другие менее. Коллективное начало, столь присущее народному творчеству, не было еще утрачено в письменности, и мы поэтому иногда затрудняемся указать одного автора, одного творца того или иного произведения. Художественное обобщение проходило часто через предварительную устную стадию. Писатели записывали и придавали окончательную отделку тому, что они слышали или о чем читали прежде. В основе «Повести временных лет» лежат многочисленные письменные и устные источники. В основе «Киево-Печерского патерика» — устные монастырские легенды, в основе «Повести о разорении Рязани» — устные рассказы и исторические песни, и т. д. Ясно, что писатели древней Руси были тесно связаны со своим народом, с устным народным творчеством, отражали порой общенародную точку зрения на события, хотя и не утрачивали своих связей с тем, господствующим, классом, к которому принадлежали сами.



Создатели «Повести временных лет» — люди эпического склада, широкого исторического мышления, сумевшие подняться над повседневными заботами и смело окинуть взором всю русскую историю в ее мировом окружении.

Авторы «Киево-Печерского патерика» — трогательно наивные и вместе с тем очень искусные рассказчики легенд, детски верящие в правдивость своего повествования, но не лишённые юмора, смягчающего их доверчивость.

Создатель «Слова Даниила Заточника» поражает нас своим проницательным умом, неиссякаемым юмором, умением вести оживленный и остроумный спор с воображаемым собеседником.

Автор «Слова о князьях» — оратор и рассказчик, овладевающий вниманием своих слушателей с помощью поэтического обаяния легенды, вносящий в свои религиозно-моральные призывы отчетливое политическое и патриотическое содержание.

В творце «Слова о полку Игореве» особенно ясно сказывается лирическое начало. Это человек исключительно тонкой эстетической культуры и всепоглощающего патриотического чувства.

В авторе «Слова о гибели Русской земли» сильна трагическая складка, — это певец, импровизирующий свой плач о Русской земле, как импровизирует его плакальщик об умершем любимом человеке.

Автор «Жития Александра Невского» спокоен, точен, приподнят и торжественен; он не сомневается в благополучном исходе событий, в божественной справедливости и предначертанности всего совершающегося.

Автор «Повести о разорении Рязани Батыем» предстает перед нами как человек воинского долга, особенно ценящий ратные доблести, беззаветную стойкость, умение прямо смотреть в лицо смерти.

Однако всех этих различных древнерусских авторов объединяет одна черта — их всепоглощающая любовь к родной им Русской земле. Они любят свою родину, гордятся ею, скорбят об ее неустроениях. Они безбоязненно избирают темами своих произведений ее поражения, как и ее победы, пишут о ее величии, как и о ее самых крупных недостатках. Прославляя Киево-Печерский монастырь, составители патерика рассказывают не только о его подвижниках, но и о тех, кто впал в бесовские соблазны.

Перед нами мужественное искусство, искусство глубоко патриотическое, смело посвященное темам первостепенной важности, основным сюжетам мировой и русской истории и устройства мира, выдержанное в лаконичных, монументальных формах.

Эпохе Киевской Руси принадлежит один из самых блистательных расцветов русской литературы. Начало русской литературы было ознаменовано ее исключительно быстрым подъемом. Первые переводные и

оригинальные русские произведения появляются, по-видимому, уже при Владимире Святославиче в X веке. Есть основания относить именно к этому времени так называемую «Речь философа», включенную впоследствии в состав «Повести временных лет» (см. под 986 г.). Но настоящий расцвет литературной деятельности наступает при сыне Владимира Святославича — Ярославе Мудром, в первой половине XI века. При Ярославе было составлено большое количество различных переводов богослужебных, житийных, исторических произведений, сборников изречений, повестей. В это время возникает летописание, появляются произведения ораторского искусства («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона), первые житийные памятники и т. д. Литературный язык уже этого времени отличается богатством словарного состава, разнообразием стилей, способностью выражать очень сложные отвлеченные понятия.

Ко времени Владимира Святославича и Ярослава Мудрого относится не только расцвет русской литературы: это время наибольшего расцвета политического могущества Руси, это время интенсивных политических и культурных связей Руси со всеми странами Европы, это время расцвета русской культуры.

При Владимире и Ярославе Киев становится одним из крупнейших городов Европы. Не сохранившаяся Десятинная церковь и дошедший до нас в перестроенном виде Софийский собор поражают своими размерами, роскошью мозаичного и фрескового убранства. Обширные и светлые храмы строятся в это время в Новгороде (церковь Софии), в Чернигове (церковь Спаса), в Полоцке (церковь Софии) и т. д. Их могучие и классически ясные пропорции дают отчетливое представление о чувстве величия и собственного могущества, свойственном феодалам этого времени.

Говоря о русских князьях — Игоре, Святославе и Владимире, — киевский митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати» (середина XI в.) мог с полным правом заявить, что они «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во всех странах света». Действительно, время Владимира и Ярослава отмечено широкими связями Руси со всеми государствами Европы. Русь этого времени часто упоминается в скандинавских сагах под именем «Гардарикии» — страны городов, и во французском эпосе. Она наделяется эпитетом «великой» («*Roussie la grande*») и «прекрасной». Она вызывает удивление своими пространствами, богатствами и могуществом.

При дворе Ярослава Мудрого живут сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок, Олаф Норвежский и многие другие.

Известны широкие династические связи Ярослава Мудрого. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа Шатконунга — Ингигерде. Его дочь Анна Рыжая (*Anna Rufa*) была замужем за французским королем Генрихом I. По-видимому, именно она возложила



на алтарь Реймского собора драгоценный русский «Евангелистери́й» (книгу евангелий), на котором впоследствии французские короли произносили свою королевскую присягу при коронациях. Она же основала аббатство Сен-Венсан и принимала деятельное участие в политической жизни Франции. Другая дочь Ярослава — Елизавета, по прозвищу Шелковинка, была замужем за норвежским королем Гаральдом Смелым — знаменитым викингом и скальдом, многие годы добивавшимся ее руки в Киеве и воспевшим ее в своей саге. Третья дочь, Анастасия, была замужем за венгерским королем Андреем I.

Впоследствии эти связи не прекращались. Владимир Мономах был по матери внуком византийского императора Константина Мономаха. Его жена Гита была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда. Сестра Мономаха Евпраксия вышла замуж за графа Нормарка-Штадского, а после его смерти — за императора Генриха IV. Под своим немецким именем Адельгейды она стала героиней многих рыцарских романов.

Времени Владимира Мономаха принадлежит целый ряд литературных произведений. При нем была составлена «Повесть временных лет», где русская история рассматривается на широком фоне истории всемирной. Мономах сам был замечательным писателем, покровителем книжности, летописания, инициатором различных культурных предприятий. Его времени принадлежит знаменитое «Хождение игумена Даниила в Святую землю». По-видимому, Даниил выполнял какие-то дипломатические поручения и сумел внушить к себе особое уважение иерусалимского короля Балдуина I Фландрского, несмотря на всю горделивость нрава последнего.

После Мономаха Русь раздирается феодальными войнами, усиленно идет процесс феодального дробления, слабеет ее военное могущество, но культура развивается по-прежнему интенсивно.

Возникают многочисленные культурные центры со своими зодчими, живописцами, писателями. Не только Киев и Новгород, но также Чернигов, Галич, Владимир Волынский и Владимир Залесский, Переяславль Южный и Переяславль Суздальский, Ростов, Суздаль и многие другие города развивают свое, местное летописание, свою, местную литературу. В XII веке создаются такие произведения, как «Слово Даниила Заточника», как ораторские произведения Кирилла, епископа Туровского, и Климента, епископа Смоленского, как черниговское «Слово о князьях», киевская повесть об убиении Игоря Ольговича, киевская же повесть об Изяславе Мстиславиче, владимирская повесть об убиении Андрея Боголюбского, многочисленные повести о военных походах русских князей и, наконец, «Слово о полку Игореве». В начале XIII века создается «Киево-Печерский патерик» и многие другие произведения.

Высокая культура Руси этого периода поддерживается широкими разносторонними связями со странами Запада, Севера и Юга: с Византией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Германией, Скандинавией. Эти



связи подкрепляются торговыми, церковными, династическими отношениями и политическими союзами.

Поступательное движение русской культуры было трагически оборвано татаро-монгольским нашествием. 31 мая 1223 года передовые войска Чингиз-хана разбили русские рати в битве на реке Калке, но повернули назад. Спустя четырнадцать лет, в 1237 году, полчища татаро-монголов во главе с Батыем вновь появились у границ Руси. Разрозненные силы русских княжеств не в силах были сдержать нашествие. Один за другим пали русские города. Завоевание сопровождалось страшным разорением культурных очагов, уводом в плен населения, главным образом ремесленников, террором и жестокими поборами.

С момента нашествия Батыя и до самого конца XIII века не было построено ни одного каменного здания, заглохли летописание и многие формы ремесел. Но литература еще долго продолжала сохранять высокие традиции домонгольской Руси. Летописные повести о битве на Калке и о Батыевом нашествии, «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», проповеди Серапиона Владимирского, «Повесть о разорении Рязани Батыем» хотя и написаны после татаро-монгольского нашествия, по праву принадлежат литературной традиции Киевской Руси. Они отличаются высоким национальным самосознанием, широким использованием фольклора, простым и благородным стилем блестящей поры расцвета русской литературы.

Когда во второй половине XIV века Русь начинает постепенно оправляться от «томления и муки» татаро-монгольского ига, лучшие писатели, многочисленные летописцы, государственные деятели ищут опоры для национального возрождения в литературе, летописании, политических идеях Киевской Руси. Идеи и стиль «Слова о полку Игореве» по-новому звучат в «Задонщине» — поэтическом рассказе о победе Дмитрия Донского на Куликовом поле. «Повесть временных лет» положена в начало московских летописей, служа им своеобразным политическим введением и напоминая о необходимости борьбы за национальную независимость. Составляется новая редакция «Киево-Печерского патерика». Растет интерес ко всем произведениям домонгольской литературы — киевским, владими́ро-суздальским, новгородским и т. д. В народном творчестве происходит объединение местных, областных сказаний и песен в единый киевский цикл вокруг князя Владимира.

Обращение к эпохе национальной независимости и культурного расцвета Руси может быть отмечено в конце XIV и в XV веках в зодчестве, в живописи, в политической мысли и т. д.

Историческое значение литературы Киевской Руси, ее влияние на общественную жизнь своего времени и последующих столетий вплоть до XVIII века было исключительно велико. Это была одна из самых действенных литератур, литература, активно вторгавшаяся в жизнь, проникнутая живым чувством любви к родине, стремлением отстаивать ее независимость, гордостью за ее прошлое и тревогой за ее настоящее.

Приглашая читателей познакомиться с произведениями русской литературы XI—XIII веков, полезно напомнить им те слова, которыми академик Б. Д. Греков начал свою книгу «Культура Киевской Руси»: «Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность. Переступив порог св. Софии, вы сразу попадаете под власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покорят вас своим совершенством, прежде чем вы успеете взглядеться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи». <sup>1</sup> Литература Киевской Руси, так же как и киевское зодчество, не требует никакой снисходительности, но чтобы понять ее своеобразную художественность, нужно во многое взглядеться и вдуматься, необходимо понять те задачи, которые ставили перед собой ее создатели, их заботы, их тревоги. Тогда умное «Поучение» Владимира Мономаха, или его же изумительное по глубине чувств и особой нравственной красоте письмо к Олегу Святославичу, или преисполненная печальной напевности «Повесть о разорении Рязани» введут нас в мир сложный и трепетно живой, как бы и не умиравший, познакомят с образованностью своеобразной, но высокой, умственной жизнью чрезвычайно интенсивной, литературным искусством утонченным и зрелым.

Памятники литературы Киевской Руси имеют для нас и еще одно важное значение: они дают возможность в первоисточниках прочесть знакомые нам с детства рассказы об основании Киева и Русского государства, о смерти Олега и войнах Святослава, о походах на Царьград и хитростях Ольги, о победах Александра Невского и Батыевом нашествии. В течение многих столетий русские люди именно по ним знакомились со своей историей, на них учились патриотизму и уважению к своей старине.

---

<sup>1</sup> Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси, М. — Л., 1944, стр. 3.